

Чжоу У коснулся пальцами посиневшего места — чуть-чуть больно, почти незаметно.

Эта форма, этот размер... Даже при всей своей невинности Чжоу У не мог не провести аналогию — следы выглядели подозрительно похожими на то, что остаётся после определённых занятий. Но это было решительно невозможно.

В груди зашевелилась смутная тревога, но он не мог облечь её в слова.

У Яо подался ближе и внимательно изучил отметины, после чего в шоке воскликнул:

— Чжоу У, ты ночью что-то втихаря от меня вытворял?!

Чжоу У не удержался и закатил глаза:

— Это мне впору спрашивать: не ты ли что-то делал со мной спящим?

У Яо возмущённо выпалил:

— Я — натурал!

Чжоу У опешил, и лишь спустя пару секунд до него дошёл смысл сказанного. Щёки вспыхнули:

— Ты о чём вообще?! Я не про это! Но из-за того, как ты это сказал, выходит, будто я — не натурал.

У Яо, увидев его залившееся краской лицо, вытаращил глаза, словно узрел краснокнижное животное, и заговорщицки понизил голос:

— А кто ж знает наверняка? Нынче красивые мальчики все опасные!

Чжоу У сердито бросил:

— Так что, это я и есть — опасный!

У Яо хотел было что-то добавить, но снаружи донеслись незнакомые голоса.

Переодевшись, они вышли из комнаты. Вчерашний староста стоял в общем зале и о чём-то беседовал с Цай Юем и Хэ Хаем. Заметив Чжоу У, он расплылся в улыбке.

Перемена была разительной: вчера — ледяная неприязнь, сегодня — радушие. Но его тусклые, мутные глаза по-прежнему не вызывали у Чжоу У ни малейшей симпатии.

Чжоу У вежливо кивнул в знак приветствия. К нему подошёл Дин Чэн с довольно странным выражением лица и вполголоса пересказал суть разговора.

— Что-о?! Нас приглашают жить в большой усадьбе, и снимать тоже разрешают? Это как так вышло? — У Яо обалдел.

Вчера ещё — кислая мина и желание их выгнать, а сегодня — такой поворот?

У Яо наклонился к уху Чжоу У и прошептал:

— Может, этот старикан реально на тебя глаз положил и хочет выдать за тебя свою дочку? Тьфу! Мир — это царство лицеконтроля, а мне остаётся только смириться.

Чжоу У смутился:

— Да ну, не может быть...

Староста заметил, что они шепчутся, и направился к ним. Говорил он с сильнейшим акцентом.

Цай Юй перевёл:

— Староста говорит, что в горах за деревней произошёл оползень. Он слышал, что ваш человек не может пробраться к вам, а в деревне негде купить припасы. Переезжайте к нам — мы обеспечим вас трёхразовым питанием.

Условия были превосходные, но столь резкая смена настроения вызывала подозрения.

Хэ Хай спросил напрямик:

— Какие у тебя условия?

Его слова заставили всех насторожиться. Резкая перемена в поведении плюс такие щедрые условия — очевидно, что тут есть подвох.

Староста осклабился, обнажив пожелтевшие зубы, затянулся из зажатого в руке отсыревшего чубука и указал на Чжоу У.

Чжоу У растерялся и ткнул пальцем в себя:

— Я?

— Он. Шафером. Пойдёт, — этих нескольких слов было достаточно, чтобы понять без перевода.

Чжоу У недоумённо переспросил:

— Я? Шафером?

Цай Юй перекинулся со старостой парой фраз, уяснил суть и повернулся к Чжоу У:

— Наш староста говорит, что ты видный парень. У нас шаферов не хватает, нужен ещё один — для ровного счёта. А тебя можно поставить первым.

Чжоу У переглянулся с У Яо.

У Яо одними губами беззвучно произнёс: «Видишь? Говорил же — лицеконтроль!»

Чжоу У: ...

— Я никогда не был шафером, — сказал Чжоу У, — и совсем не разбираюсь в ритуалах.

Старосту это несколько не смутило. Он снова забормотал что-то, и Цай Юй перевёл:

— Наш староста говорит: ничего страшного, тебе просто стоять надо будет.

Просто стоять?

Последний, кому полагалось стоять столбом, был олимпийский талисман.

— Мы вас не обидим! Еда и жильё — всё лучшее, обращение как с почётным гостем! — добавил староста.

После нескольких раундов переговоров, убедившись, что съёмки разрешены, Чжоу У немного подумал и согласился. Условия выгодные, а снабженец застрял по ту сторону оползня — им грозил натуральный голод.

Причин отказываться не было, да и задача несложная.

Обе стороны пришли к соглашению — все довольны.

У Яо не выдержал и пихнул Чжоу У локтем, кисло спросив:

— Как думаешь, если я сейчас побегу на пластику — ещё не поздно?

Чжоу У окинул его взглядом:

— Для начала сходи на эпиляцию.

У Яо возмутился:

— Густая растительность — это мужественность!

Чжоу У покачал головой:

— Дело не в мужественности. Просто за таким количеством волос лица не видно.

У Яо: ...

Он машинально потрогал своё лицо и обнаружил, что не брился уже два дня. Щетина торчала во все стороны — неряшливее некуда.

— Это ты завидуешь! — обиженно фыркнул он. — У самого ни волосинки, вот и завидуешь, что у меня их полно! Хмф!

Чжоу У был типичным южанином — тонкие, хрупкие, почти хрустальные черты. Щетина у него практически не росла, и всё лицо было таким чистым и гладким, что стоило направить на него свет — казалось, будто смотришь на только что очищенное яйцо, белоснежно-фарфоровое. На хрустальном подбородке ещё поблёскивали несколько не успевших высохнуть капель дождевой воды.

Чжоу У безжалостно обронил:

— Завидовать тут нечему.

За окном ливень продолжал неистовствовать. Съёмочная группа уже собрала вещи и готовилась к переезду.

Цай Юй стоял с кислой миной, сетуя, что едва нашёл постояльцев — и вот опять всё

накрылось.

Бюджет позволял, и Хэ Хай похлопал Цай Юя по плечу, объявив, что предоплату за жильё они возвращать не будут, а в ближайшие дни ему нужно помочь с переводом.

Цай Юй мгновенно просиял и вприпрыжку бросился помогать с реквизитом.

Поскольку реквизитом служило съёмочное оборудование, технику обернули несколькими слоями полиэтилена, прежде чем вынести наружу. Чжоу У раскрыл зонт, прижал к себе рюкзак и, следуя за несколькими пришедшими из деревни провожатыми, ринулся под дождь.

Всё это время Чжоу У не переставал гадать: тот «большой дом», о котором они говорят, — не та ли это роскошная старинная усадьба, где он видел портрет?

Направление подтвердило его догадку: деревенские, шагавшие впереди, вели их напрямик к тому самому особняку.

Старинное строение из серого кирпича под красной черепицей — даже сквозь стену проливного дождя издали угадывались его очертания. Вблизи стало видно, как дождевая вода стекает по красным черепицам, собирается в потоки и льётся в водосточные канавки у подножия стен.

У этого особняка, оказывается, была дренажная система.

Они шли вдоль стены, и шли долго — так долго, что начало казаться, будто ходят по кругу.

Когда все промокли до нитки, наконец показались алые ворота, а за ними — кто-то, призывно махавший рукой.

Чжоу У не давал покоя висевший внутри чёрно-белый тушевой портрет. Остановившись, он вытянул шею и заглянул внутрь — но на балке ничего не висело.

Без видимой причины он вздохнул с облегчением.

Староста повёл всех вглубь. Чжоу У отбросил мокрые волосы со лба, зачесав чёлку наверх и обнажив широкий, чистый лоб. На ресницах ещё дрожали одинокие капли.

— Чжоу У, знаешь, на кого ты сейчас похож? — спросил У Яо.

Чжоу У не стал подыгрывать:

— На кого?

У Яо ухмыльнулся:

— Мокрый, жалкенький... На промокшего пёсика!

Чжоу У так и знал, что ничего хорошего не услышит. Он опустил взгляд на закатанные штанины У Яо:

— А твои «чёрные чулочки» выглядят тёпленькими.

У Яо подвернул штанины до середины голени; мокрые волоски на ногах, прибитые струйками дождевой воды, слиплись в аккуратные дорожки — издали и впрямь напоминая чулки.

У Яо: «...» Чёрт.

Ху Юй, шагавший позади, слышал их перепалку и расхохотался, согнувшись пополам, тоже заметив, что с такой растительностью — не иначе как атавизм.

У Яо побагровел от злости.

Снаружи особняк и так производил внушительное впечатление, но внутри он поражал ещё сильнее.

За входом располагалась гостевая зала. Обогнув её, попадаешь в разветвлённую сеть крытых галерей — ажурная резьба, барельефы из серого камня, красные фонари, а по обеим сторонам — искусственные горки и пруды, сливающиеся в единое целое, словно ты перенёсся в древность.

Трудно было поверить, что в таком захолустье существует столь роскошное поместье, причём, судя по всему, за ним постоянно ухаживали. Пройдя по галерее два поворота, Чжоу У внезапно остановился. Он заметил, что в конце боковой дорожки возвышается искусственная горка.

За горкой — непроглядная тьма. В рёве бури казалось, что там, в темноте, что-то притаилось.

Чжоу У поспешно отвёл взгляд и нагнал остальных.

Шагая по галерее, он чувствовал нарастающую тревогу. Чем дальше они углублялись, тем сильнее его накрывало, и он невольно теснился поближе к остальным.

Шли они, казалось, столько же, сколько обходили деревню, прежде чем наконец добрались до

гостевых комнат.

У каждого была отдельная комната. Комната Чжоу У оказалась последней в ряду — чтобы дойти до неё, нужно было завернуть за угол.

Дверь его спальни смотрела прямо на стену, в центре которой был прорезан восьмиугольный проём. Эта стена отделяла гостевое крыло от какого-то другого пространства.

Сквозь шум дождя трудно было разглядеть, что за проёмом, но в полумраке смутно покачивались силуэты нескольких стволов чёрного бамбука.

Толкнув дверь, Чжоу У ощутил запах дерева, смешанный с тонким ароматом чего-то ещё. Один взгляд — и его глаза округлились от изумления.

Резная деревянная кровать под ярко-красным вышитым одеялом. Кушетка-гуйфэй. Стол «восьми бессмертных». Низкие табуреточки. Тяжёлые шёлковые занавеси с бусинами. Мягкий свет ложился на мебель, покрытую благородной патиной, — всё это выглядело достовернее, чем в любом историческом сериале.

Вот это удача — роскошнее пятизвёздочного отеля.

Войдя и бросив вещи, Чжоу У раздобыл жаровню, снял мокрую одежду и развесил её на составленных вокруг огня табуретках.

Накинув банное полотенце, он грелся у жаровни. Когда тело наконец отогрелось, Чжоу У обессиленно откинулся на длинный стул. Вокруг было достаточно тихо, и его потянуло в сон.

Он почти смежил веки, когда раздался стук в дверь. Чжоу У встрепенулся — должно быть, пора ужинать.

Когда они вернулись от Цай Юя, было уже два-три часа дня. Потом возня с переездом, перетаскивание вещей — теперь, выглянув наружу, он увидел, что свет за окном почти угас. Ещё когда ходил за жаровней, он слышал, как кто-то кричал, что скоро ужин.

— Иду, иду! — Чжоу У порылся в рюкзаке, нашёл единственную не промокшую куртку, натянул её и направился к двери.

Но хотя он уже отозвался, стук не прекращался — мерный, ритмичный.

Чжоу У окликнул ещё раз, но у самой двери замер на полушаге. Что-то было не так.

Дверь была старинной, с деревянным засовом, запиравшимся изнутри. Чжоу У задвинул его, когда переодевался.

«Тук-тук-тук» — размеренные удары не прекращались. Может, ему показалось, но с каждым разом стук становился громче.

Чжоу У стоял в двух шагах от двери. Подняв голову, он увидел, как на тонкой ткани, натянутой поверх верхней части дверного полотна, вырисовывается силуэт — непомерно высокая человеческая фигура.

Тень отбросила его на два шага назад. Сердце рвалось из горла.

— Кто... кто там? — голос предательски дрогнул.

В старинных дверях нижняя половина — сплошное дерево, а верхняя — резная решётка, затянутая тканью. Но решётка располагалась высоко — невозможно, чтобы чья-то фигура проецировалась на ткань почти целиком.

Разве что это Яо Мин.

Но Яо Мина в этой деревне нет.

Чжоу У хотел, как в кино, проткнуть ткань и заглянуть в дырочку, но у него не хватило смелости даже шагнуть вперёд.

Он боялся увидеть, что снаружи. Боялся, что если проткнёт дырку — то заглянет в ответ.

Сердце колотилось, икры тряслись. Ледяное покалывание страха расплзалось от копчика по всему телу.

Стук делался всё громче, яростнее — словно дверь собирались высадить. Почему никто из остальных не слышит?!

Оглушительный удар прервал его парализующий страх — дверная рама едва не разлетелась в щепки.

Всё внутри кричало: ПРЯЧЬСЯ!

Он заметался взглядом по комнате — ни одного шкафа, куда можно было бы забиться. На лбу выступила мелкая испарина. Взгляд остановился на кровати... Нет, не под одеяло же — это самообман.

Наконец Чжоу У решился: под кровать. Заглянул — чисто, и места достаточно.

Он молниеносно распластался на полу и начал протискиваться в узкую щель.

Едва забившись и развернувшись лицом наружу, он услышал: «Скри-и-ип!» — дверь вынесло.

Кап. Кап.

Шаги — и звук капающей воды — разнеслись по мертвенно тихому пространству.

<http://bllate.org/book/22494/2373460>